

ТРАГЕДИЯ ГОРЬКОГО

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Тамара МОТЫЛЕВА

Спасибо журналу «Литературное обозрение», напечатавшему «Несвоевременные мысли» Горького: они дали нам возможность осознать характер разногласий писателя с Лениным и большевиками до и после Октябрьской революции. Разногласия достигли высшей остроты, когда Горький заступился за осужденных эсеров. Ленин (в письме к Бухарину 7 сентября 1922 года) назвал выступление Горького «поганым», однако отказался от намерения «обругать его в печати».

Горький, уехавший за границу, чувствовал себя одиноким. И писал Роллану 7 декабря 1922 года: «Жить очень трудно, дорогой друг, до смешного трудно. Особенно ночами, когда устаешь читать, а спать не можешь. Там, на родине, воют вьюги и коммунисты, землю засыпает снег, людей — сугробы слов. Превосходные слова, но — тоже, как снег, не потому, что они так обильны, а потому что холодны. Когда фанатизм холоден, он холоднее мороза». И тут же при всей враждебности к «воющим» коммунистам, к их «фанатизму» Горький не скрывает своего восторженного изумления: «И все-таки меня восхищает изумительное напряжение воли вождей русского коммунизма... Иногда мне очень жаль, что я несогласен с ними в деле истребления культурных людей и никогда не соглашусь на это».

Письма Горького к Роллану дают почувствовать, быть может, больше, чем все известные нам послания другим адресатам, остроту душевного разлада, который мучил его в начале двадцатых годов. Чем более нестерпимой становилась для него разлука с родиной, тревога за ее судьбу, тем более упрямо он старался приучить себя к мысли, что расстался с нею навсегда.

21 апреля 1923 года он писал Роллану: «... Не чувствую ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я не мог бы писать, если бы был вынужден все свое время тратить на то, чтобы непрерывно повторять припев: «Не убивай».

К этой крайне болезненной для него теме Горький снова обращается в письме от 15 января 1924 года: «... Я не возвращусь в Россию, и я все сильнее и сильнее ощущаю себя человеком без родины. Я даже склонен думать, что в России мне пришлось бы играть очень страшную роль — роль противника всех и всего, и в силу моей несдержанности в речах, мыслях, поступках я оказался бы в нелепом положении человека, который бьется головой об стену, желая разбить ее...»

В начале 1918 года я понял, что никакая власть в России больше невозможна, и только один Ленин способен задержать рост неистовой анархии среди крестьян и солдат. Однако это отнюдь не указывало на то, что я солидаризировался с Лениным. В продолжение лет я с ним спорил... Я указывал, что, разрушая русскую интеллигенцию, он разрушает самый мозг русского народа. Я, хотя и питаю дружеские чувства к этому человеку, и он, со своей стороны, любил меня, я верю этому, наши споры пробуждали в нас духовную ненависть друг к другу».

Это было написано меньше чем за неделю до смерти Ленина. Горький, который еще совсем недавно мог признаться в «духовной ненависти» к Ленину, был как громом поражен известием о его кончине. В отношении писателя к Ленину, следовательно, и к революционной России произошел перелом. Глубокой скорбью проникнуто его письмо к Роллану от 3 марта 1924 года: «Да, дорогой мой друг, смерть Ленина лично для меня — тяжелый удар, не говоря уже о том, что для России это огромная, незаменимая утрата... Я его любил. Любил с гневом. Говорил с ним резко, не щадя его... Я особенно нежно и глубоко любил его за его ненависть к страданиям, за его неукротимую вражду ко всему, что искажает человека».

Он был очень большой русский человек... Толстой и он — двое чудовищно больших русских людей. Я горжусь, что видел их».

Ленин и Горький в группе делегатов II конгресса Коминтерна. Петроград, 19 июля 1920 года. Фото В. К. БУЛЛА.

Ромен Роллан в своей книге «Пятнадцать лет борьбы» точно определил значение смерти Ленина как поворотного пункта в идейных исканиях Горького. «Пессимизм Горького по отношению к Европе и России никогда не был таким беспросветным, как в его письмах 1923 года... Письма, где речь идет о Ленине, до и после катастрофы, отражают остроту его переживаний. Как он пишет, он любил Ленина с гневом, со страстью. Он постоянно спорил с ним: ни тот, ни другой, любя

В Институте мировой литературы готовятся к печати письма Максима Горького Ромену Роллану, которые хранятся в архиве Горького в Москве. Эта публикация, несомненно, поможет пролить дополнительный свет на последние 10—15 лет жизни писателя, которые нам менее всего известны, несмотря на обилие обнаруженных статей, писем и воспоминаний.

друг друга, не складывали оружия. Но за Лениным, после его смерти, осталось последнее слово. И Горький признал его правоту».

В недавнее время эти суждения Роллана получили неожиданное подкрепление благодаря свидетельству Н. Н. Берберовой, близко знавшей Горького в период его жизни за границей. В книге «Железная женщина» она пишет: «Смерть Ленина не только встревожила Горького, но и в корне переменяла его отношение к нему... Чувство раскаяния нашло на него...» И далее: «В свете смерти Ленина Горький переоценил свое отношение к Октябрьской революции и к первым годам большевизма, роль Ленина, его правоту и свои собственные ошибки. Он теперь забыл все свои расхождения, свои обиды и счеты и поддался всеобщему вокруг него возвеличанию Ильича: он искренне начал считать, что осиротел вместе со всей Россией или даже вместе со всем миром, и, обливаясь слезами, говорил о нем».

Решение вернуться в Россию было принято Горьким не без долгих колебаний, но когда оно было принято, стало бесповоротным. Еще в 1925 году Горький в письме к Роллану высказывал беспокойство по поводу наступления сил реакции и приходил к выводу: «А может быть, только мировая революция способна разорвать туго запутанные узлы наших отношений? Но тогда окажется пророчески права Москва, и надо идти с нею».

Понятно, что о «мировой революции» Горький мог думать лишь в самой распылчатой форме, как о далекой мечте. Зато сближение с Москвой, сотрудничество с нею становились все более настоятельно необходимыми.

Думается, что не стоит (как это иногда делается) объяснять возвращение Горького в Россию разного рода житейскими, в сущности, эгоистическими побуждениями — корыстолюбием, честолюбием и т. п. Решающими тут были глубокие внутренние стимулы — тоска по родине, чувство долга перед ней. И не в последнюю очередь — долг перед памятью Ленина.

На первых порах после возвращения Горький был расположен петь дифирамбы. Его радовали, по контрасту с разрухой начала 20-х годов, новые или возрожденные заводы и города, согревали душу встречи с читателями, дружеский прием, который был ему оказан. Его статьи и письма этих лет проникнуты своего рода эйфорией. Лишь постепенно у писателя устанавливался более трезвый взгляд на вещи. По его публицистике об этом трудно судить. Его письма последних лет жизни известны далеко не полностью. Тут больше всего «белых пятен». Но какова может быть внутренняя логика его идейной эволюции?

Как известно, Горький не раз в последние годы жизни говорил самокритично о той позиции, которую он занимал в первые револю-

ционные годы. И говорил со всей искренностью.

Но вместе с тем, пересмотрев оценки и пессимистические прогнозы, которые выражены в «Несвоевременных мыслях», Горький фактически перечеркнул и то ценное, что было им высказано с глубокой убежденностью и большой сердечной в публицистике тех лет. Отказался от осуждения революционного насилия в его экстремальных формах; забыл свои призывы — в борьбе за классовое не упускать общечеловеческое, сохранять верность простым и вечным нормам нравственности.

Атмосфера жестокости, нетерпимости, насаждавшаяся сталинской кликой, воздействовала и на Горького. Писатель, в былые времена защищавший видных деятелей культуры от эксцессов террора, признал справедливой судебную расправу с деятелями «Промпартии» и одобрил ее в письмах к Роллану. В совершенно идеалистическом свете изображена в письмах Горького коллективизация, включая варварский, унесший миллионы жизней процесс «раскулачивания». Вероятно, многого Горький не знал, был дезинформирован. Но так или иначе поддавался дезинформации. Почему? Сознательно закрывал глаза, затыкал уши, чтобы не видеть и не слышать того, что могло смутить его покой? Скорее повиновался некоему ложному чувству долга, заставлявшему его молчать, в молчании страдать, лишь бы не повредить своей стране.

В 1933 году Ромен Роллан в дневнике выразил сомнение: так ли благополучно все обстоит в Советском Союзе, как сообщает его русский друг? «Я чувствую, что Горький искренне омынен этой трудовой атмосферой, и страдания и волнения населения до него не доходят». Однако в 1935 году при личной встрече с Горьким Роллан пришел к выводу, что Горький о многом знает, что в нем живет глубокая, затаенная грусть.

Стоит прислушаться к свидетельству старого друга и сотрудника Горького И. С. Шкапы, который год назад говорил в интервью: «Предстоит раскрыть, проанализировать во всей полноте трагизм существования великого писателя, который прозрел и ужаснулся... Легче легкого навесить ярлык, наступить ногой на могильный камень... Мудрейший из мудрых, писатель многое провидел из того что потом стряслось».

«Мудрейший из мудрых» — это вряд ли верно. Горький был сыном своего времени, он не был свободен от заблуждений и иллюзий. Полагаю, он был духовно скован не только сталинским террором, но в известной мере и уважением к человеку, стоявшему во главе страны; лишь постепенно это уважение переходило в тайное отвращение, которое приходилось скрывать. Под конец жизни Горький, надо думать, особенно сильно страдал от душевного раздвоения — это была поистине трагедия.

В западной научной обиход давно вошел факт, отмеченный в книге А. Орлова «Тайные преступления Сталина». После смерти Горького сотрудники ОГПУ нашли в его доме неопубликованные рукописи, и Ягода, просмотрев их, заметил: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит». Лица, произведшие обыск, получили строгий приказ молчать, и найденные бумаги вместе с дневниками Горького были уничтожены по распоряжению Сталина.

...Здесь представлена лишь малая часть текстов, приоткрывающих завесу над неизвестными страницами жизни Горького. Я знаю, что существуют разные взгляды на ту позицию, которую писатель занимал в последние годы жизни. Серьезное изучение Горького — без иконописи, без купюр, на основе фактов и документов только теперь становится возможным. И только это позволит нам составить точное представление о его облике.